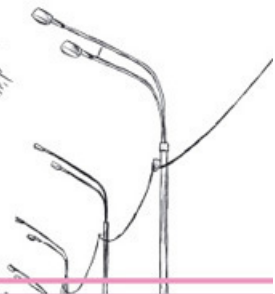

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Инна Манахова

Двенадцать зрителей

Инна Васильевна Манахова
Двенадцать зрителей (сборник)
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25102383

Манахова И. В. Двенадцать зрителей : повести: Детская литература;

Москва; 2016

ISBN 978-5-08-005499-0

Аннотация

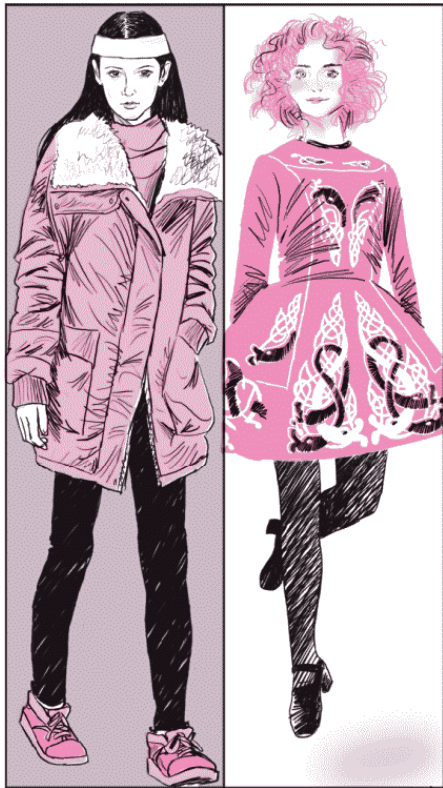
«Пропала девочка! Аня Берс...» – так начинается первая повесть Инны Манаховой, давшая название этой книге. История пятнадцатилетней школьницы рассказана двенадцатью людьми – и близкими ей, и случайными знакомыми. Они, словно присяжные, анализируя ее поступки, приглашают и читателя задуматься и составить свое мнение – но уже о каждом из персонажей.

Любимое занятие в жизни героев повести «Первый шаг» – танцы. Рил и пасодобль, балет и хит-хоп – не важно, главное – чувствовать ритм. Но что делать, если не все получается так, как хочется? Ответ один: преодолевать трудности и идти к своей заветной мечте.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	6
Двенадцать зрителей	10
Зритель № 1	13
Зритель № 2	18
Зритель № 3	25
Зритель № 4	36
Зритель № 5	48
Зритель № 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Инна Манахова
Двенадцать
зрителей (сборник)**

© Манахова И. В., 2016

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Шевченко А. А., иллюстрации, 2016

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2016

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

В 2015 году объявлен прием рукописей на пятый Конкурс.

Отправить свою рукопись туда может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

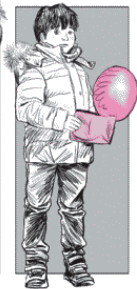
Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной темой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

Двенадцать зрителей

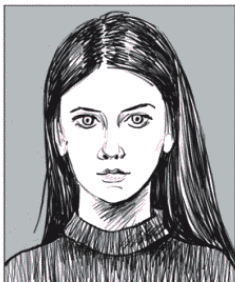
Повесть

ВНИМАНИЕ!

ПРОПАЛА ДЕВОЧКА!

ВНИМАНИЕ! ПРОПАЛА ДЕВОЧКА!

Аня Берс, 15 лет.

25 декабря ушла из дома и до настоящего времени не вернулась. Последний раз ее видели в центре города, на улице Правды.

Приметы: рост – 750 см, худощавого телосложения, волосы длинные, черные, глаза голубые, лицо овальное, европейского типа.

Была одета в длинную дутую розовую куртку с капюшоном, джинсы и малиновые кеды.

Всех, кто может сообщить какую-либо информацию об Ане, просим звонить по телефонам,

приведенным ниже.

Зритель № 1

Я быстро пробежал глазами это объявление, наклеенное на выходе из маленького душного автобуса, и, выскочив наружу, в морозное и хмурое январское утро, невольно пожегся от холода и от какого-то странного зябкого чувства, вспомнив, что еще в прошлом месяце, до каникул, видел эту самую девочку в розовой куртке и дурацких малиновых кедах живой и невредимой. Она, как обычно, сидела в автобусе прямо напротив меня, жевала жвачку и вертела в руках маленькое круглое зеркальце, стараясь повернуть его так, чтобы, глядя в его отражение, можно было украдкой наблюдать за мной.

Поначалу, когда она впервые ехала в этой маршрутке теплым сентябрьским днем и ветерок из открытого окошка от-

чаянно трепал ее распущенные черные волосы, никакого зеркальца не было, и она беззастенчиво пялилась на меня своими круглыми голубыми глазищами, похожими на стеклянные пуговицы. Казалось, она просто задумалась и смотрит сквозь меня, но потом я заметил робкую улыбку и дрожащие руки, беспокойно теребившие ремешок сумки, и мне стало как-то не по себе.

Всякий раз, натываясь на этот простодушный и взволнованный взгляд, я чувствовал себя так, будто меня кололи иголкой, и к моим щекам невольно прилиwała кровь. Согласен, в восемнадцать лет пора бы уже перестать смущаться от того, что малолетняя школьница удостоила меня вниманием, но я никак не мог заставить себя не краснеть и ужасно злился, в первую очередь – на нее.

Решив, что отворачиваться от назойливого взгляда глупо и трусливо, однажды я, раздраженно нахмурившись, тоже с вызовом посмотрел ей в глаза. Но она как будто и не заметила ни моего презрения, ни нахмуренных бровей и глядела как зачарованная. Я не выдержал первым и, подскочив как ужаленный, пересел в другой конец автобуса, подальше от нее.

На следующий день все повторилось, и через день тоже. Я уж было подумал, не переменить ли мне маршрут, но потом махнул рукой и продолжал ездить с ней в одном автобусе как ни в чем не бывало. Смотреть в ее сторону не хотелось, и я просто закрывал глаза и старался думать о чем-нибудь

другом.

Как-то раз, взглянув на нее исподтишка, я увидел, что она по-прежнему не сводит с меня глаз и сияет самым нелепым образом. «Влюбилась по уши», – подумалось мне, и от этой мысли стало смешно. Она, наверное, решила, что я улыбаюсь ей в ответ, и покраснела до ушей, но глаз не отвела и до самой своей остановки ехала багровая, как свекла, и счастливая чуть ли не до слёз.

С тех пор я нет-нет да и улыбался ей – меня это забавляло, а она прямо млела и чуть ли не теряла сознание от волнения и радости.

В конце ноября мне надоела игра в гляделки, и я решил поставить ее на место: перехватив в очередной раз ее восторженный теплый взгляд, я брезгливо сморщился и резко отвернулся, а потом и вовсе пересел на другое место. Этот трюк пришлось повторить несколько раз, прежде чем она поняла, что случилось. Она больше не улыбалась, глядя на меня, и впала в глубокое отчаяние. Ее глаза сделались жалобными и влажными, как у побитой собаки, и глядела она осторожно, будто боясь обжечься.

Наступил декабрь, и она вошла в маршрутку, блестя накрашенными губами и гордо выступая в этих ужасных малиновых кедах, и – кто бы мог подумать! – уселась рядом со мной. Судя по выражению ее лица, она ощущала себя отважной покорительницей сердец и первой красавицей если не в мире, то хотя бы в нашем автобусе. Гордая и в то же время

жалкая, она искоса взглянула мне в лицо, надеясь непонятно на что, но, увидев знакомое ей брезгливое выражение, дернулась, быстро опустила глаза и, помаявшись с минутку, пересела на другое место.

Весь декабрь она трогательно делала вид, что не замечает меня, а сама не расставалась с зеркальцем, пытаясь повернуть его то так, то эдак, чтобы взглянуть на меня лишний раз. Признаюсь, мне немного – совсем чуть-чуть – льстило ее внимание.

Вообще-то у меня есть девушка, и, между прочим, очень красивая, так что мне и в голову не приходило затевать историю с этим несмышленьшем, но ведь она сама смотрела на меня, никто ее не заставлял!

А потом она исчезла бесследно... И напрасно я ждал, что вот сейчас промелькнет в серой угрюмой толпе ее розовая куртка и она вновь, как будто невзначай, усядется напротив меня, достанет из кармана жвачку, а из сумки – зеркальце, и если отвернуться в сторону, а потом резко и неожиданно взглянуть на нее из-за плеча, можно уловить краешек ее пылающего огненного взгляда и погреться в его лучах, но недолго, потому что она сразу же покраснеет, уткнется носом в шарф и уронит зеркальце.

А теперь это объявление с ее фотографией и имя – Аня Берс. Пропала двадцать пятого декабря, в католическое Рождество, когда маленькие дети верят, что их желания сбудутся. Может быть, и ее желание сбылось, она ведь наверняка

хотела, чтобы я поволновался о ней хоть немного, и вот я бегу по заметенной снегом, промерзшей улице и чувствую, что глаза мои слезятся вовсе не от ветра.

Ее уже, наверное, нет в живых, этой Ани Берс, – пропавших редко находят, – и эти огромные темно-голубые глаза больше никогда не просияют в ответ на мою улыбку. Не то чтобы я вдруг проникся к ней нежными чувствами: мертвая или живая, она, как и прежде, вызывала у меня лишь жалость. Просто когда ты понимаешь, что кто-то милый, глупый и забавный исчез из твоей жизни на веки вечные, вдруг хочется отмотать время назад, и посмотреть на этого человека еще разок, и, может быть, даже набраться смелости и сказать ему что-нибудь хорошее в благодарность за маленькую и смешную радость, которую он тебе дарил. Впрочем, я бы все равно никогда не решился к ней подойти. Не нужна мне эта девочка с ее нелепой розовой курткой и такой же нелепой влюбленностью, и думать о ней не нужно...

Но, обернувшись на приглушенный гул проехавшего автобуса, я неожиданно подумал: «А вдруг она еще вернется?» И сердце сильно и больно отозвалось в ответ на эту внезапную мысль.

Зритель № 2

Признаться, в жизни не сказала бы «привет» такому убожеству, как Анька Берс, если бы не совместные тренировки на корте, – терпеть не могу эту мелкую гадину! Тренер Григорьич частенько ставит ее мне в спарринг, когда хочет наказать меня за «вызывающее поведение, наглость, дерзость» или что он там обычно пишет в своих характеристиках на каждого игрока.

Подумаешь, наглость! Я просто говорю ему правду в глаза, а правда такова, что играть в теннис Григорьич не умеет, – ракетку держит как лопату, передвигается по корту, как бегемот в болоте, и не дотягивается до половины мячей. Если бы не его пушечные удары справа, которыми он убивает слабенькие мячи с высоким отскоком, никому бы и в голо-

ву не пришло аплодировать ему на тренировках. Хотя есть у нас в группе такие люди, которые готовы аплодировать, даже наблюдая, как Григорьич чистит банан. Но тут уж ничего не поделаешь: вежливенькие встречаются везде.

В общем, познакомилась я с Анькой в прошлом году, когда она впервые пришла в спортзал записываться на теннис. На ногах у нее были кроссовки с розовыми шнурками, а в руках – представляете? – ракетка для бадминтона! Мы чуть не умерли со смеху, а этой феечке хоть бы хны! Подошла к Григорьичу с важным видом и говорит: мол, с пяти лет играла с отцом в бадминтон, а теперь вот решила «переквалифицироваться». Так и сказала! Уж очень ее впечатлил июльский турнир Большого шлема, который она смотрела по спутниковому каналу (слово «Уимблдон» она так и не вспомнила). До того впечатлил, что она даже организовала своими силами дворовый теннисный турнир. Представляете, собрала малышню на лужайке перед домом, раздала им ракетки для бадминтона и заставила отбивать этими кривыми орудиями тяжелые теннисные мячи. Короче, показала себя феерической дурой.

Григорьич послушал, похмыкал, подергал плечом, но все же записал ее фамилию в свою заветную замусоленную тетрадку в клеточку и, поморщившись, принял от нее несколько замызганных купюр за первое занятие (наверное, весь сентябрь не ела школьные завтраки, чтобы их скопить). Потом вынес ей нормальную ракетку и пригласил на корт – вечно

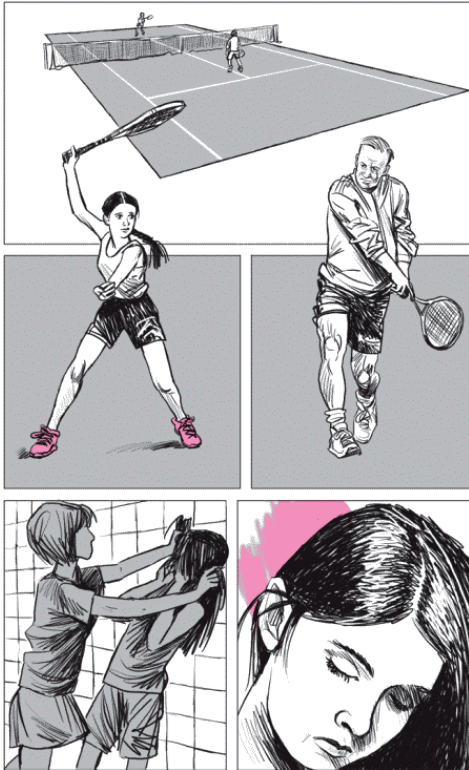
он выделяется перед новичками, строит из себя побитого жизнью старого воробья, этакого дедушку на пенсии. А глаза при этом хитрющие: сейчас, мол, покажу тебе класс, выбью из тебя всю дурь своим могучим форхендом.

Мы приготовились к интересному и поучительному спектаклю, но не тут-то было! Григорьич велел ей подавать первой, и когда я увидела, как она держит ракетку (хорошая сверхзападная хватка), как подбрасывает мяч и изгибается при подаче, я сразу поняла, что перед нами не просто коротконогая бадминтонщица. Григорьич тоже это понял и крикнул от удивления, но быстренько собрался и насупился, что означает у него «настроиться на серьезный лад». Первая подача прошла по центру – и Григорьич чуть не повалился мешком на корт, резко дернувшись за мячом, но все же зацепил его ободом ракетки и кое-как перебросил на половину своей малорослой соперницы. А она между тем просеменила по корту шустро, как муравей, и, легонько подхватив мяч, подкинула его, как блин на сковородке, – так, что он шлепнулся сразу за сеткой и даже не отскочил.

«Пятнадцать – ноль!» – гордо объявила новенькая, вся сияя от радости.

Григорьич ощерился, и мы поняли, что теперь он настроен только на победу, причем разгромную. Однако сегодня был явно не его день: у девчонки отлично шла первая подача, а ее удары, хоть и несильные, летели в корт под такими невообразимыми углами, что Григорьич только и делал, что

метался из стороны в сторону, потея, задыхаясь и проклиная шепотом весь большой теннис в целом и одну вредную бадминтонистку в частности.

Малявка быстро просекла, что без своего взрывного форхенда Григорыч просто беспомощный жалкий пенсионер,

и без малейших угрызений совести играла ему только под лево, а временами вообще издевательски укорачивала мяч, заставляя пожилого солидного человека с брюшком нестись через весь корт к сетке, где уверенно обводила его высокой свечой. Григорьич провожал мячи таким унылым взглядом, как будто вместе с ними провожал свою боевую молодость, а девчонка прыгала от радости и задорно трясла кулачком.

За этот кулачок мы ее невзлюбили: мало того, что эта сьявка врет, будто сроду не играла в теннис, а сама обыгрывает всех подряд, так она еще и не умеет вести себя, как подобает победителю! Вместо того чтобы спокойно подойти к сетке и подать руку сопернику, она скачет по корту со своим сжатым кулачком и вопит «ура!».

Как-то раз на тренировке я не выдержала и, перейдя на ее половину корта, что вообще-то строжайше запрещено теннисными правилами, вцепилась ей в волосы. Григорьич не спешил нас разнимать, но моя злость быстро прошла, потому что Анька даже и не думала защищаться: она просто зажмурилась и закрыла лицо руками, а я еще минут пять повозила ее по корту для приличия и отпустила восвояси.

В другой раз мы схлестнулись в душевой. Она мылась целых полчаса и извела весь шампунь на свои косищи, не оставив мне ни капли. Выйдя из кабинки, я молча вырвала у нее из рук полотенце и бросила его на грязный пол, а потом тщательно вытерла об него ноги. И вновь Анька не стала сопротивляться, только как-то съежилась и попятилась от меня с

испуганными глазами.

Но я не успокоилась: подошла к ней еще раз в столовой и вылила на ее чисто вымытую голову клейкий кисель. Глядя на ее слипшиеся, в кисельной жиже волосы, я почувствовала ликование, которое редко испытывала на корте.

С тех пор такие розыгрыши над Анькой стали для меня обычным делом. Я очень довольна тем, что она расплатилась за каждый выигранный у меня мяч, за каждый вскинутый кулачок. Кнопка на стуле, на которую она села с размаху; жвачка, намертво прилипшая к ее новому свитеру; воротничок ее белой блузки, разрезанный сзади маникюрными ножницами; тухлое яйцо в ее малиновом кеде – всего и не упомнишь! Но однажды я допустила серьезную оплошность и отлупила ее до крови.

Это случилось в конце декабря, перед каникулами. Мы проводили показательные матчи, а в зале сидели наши родители и друзья. Сами знаете, как это бывает: куча народу, душно, все орут, как на футболе, машут транспарантами с твоим именем и свистят в бумажные свистульки; где-то на трибунах скачет папа с фотоаппаратом, мама хватается за сердце и ахает при каждом ударе ракетки по мячу, а твой парень ухмыляется и шлет тебе театральные воздушные поцелуи. И тут выходит эта малявка, еле достающая макушкой до твоего плеча, и размазывает тебя по корту на глазах у притихших родных и близких, сопровождая каждый выигранный мяч победным кличем и взмахом кулачка!

Никогда еще я не чувствовала себя такой неуклюжей, безоружной и униженной, как в тот памятный день! Еле дождавшись окончания бездарно проигранного матча, я вихрем ворвалась в женскую раздевалку, выцепила из толпы девчонок растерявшуюся Аньку, оттащила ее в душевую и там несколько раз ударила головой об стену. Мне не понравился хлипкий звук, с которым ее голова стукнулась о кафель после моего удара, а когда я увидела кровь, меня затошнило от страха. Бросив ее в кабинке, я вышла в раздевалку, ни на кого не глядя, кое-как запихнула свои вещи в рюкзак и убежала вон.

С тех пор я ее больше не видела. А вчера в местной газете появилось объявление: «ПРОПАЛА ДЕВОЧКА! Аня Берс...»

Зритель № 3

Хорошо помню тот день, когда я понял, что мне нравится Аня Берс из девятого «Б». Я заглянул в лаборантскую кабинета химии после уроков, чтобы забрать методичку, и увидел Аню там за столом, увлеченно проводящую какой-то опыт, в белом халатике, надетом поверх школьной формы, марлевым респираторе и с пробиркой в руке. Я знал, что она ходит на дополнительные лабораторные занятия, потому что готовится поступать в медицинскую академию, но представить себе не мог, что Аня окажется такой красивой в образе врача или химика!

После того случая я начал украдкой приглядываться к ней и вскоре понял, что она именно та девочка, с которой мне хотелось бы познакомиться поближе. В отличие от других

тихих и незаметных людей, она не казалась печальной или обиженной, наоборот, ходила с улыбкой до ушей и радовалась любому пустяку.

У нее была подружка – полноватая, в круглых очках, – которая сопровождала ее повсюду и мешала мне следить за ними. Тем не менее за два месяца наблюдений я узнал, что Аня живет неподалеку от школы, в большом многоквартирном доме вместе с матерью (отец умер в прошлом году), пишет левой рукой лучше, чем правой, а также может писать обеими руками одновременно; что у нее не заживают мозоли на пальцах оттого, что она не расстается с теннисной ракетой; что она слишком близко подносит к глазам книгу, когда читает, но при этом стесняется носить очки; что в столовой она всегда выбирает булочку с сыром и чай; что мечтает завести собаку, но мать не разрешает; что ее заветная мечта – работать в организации «Врачи без границ»; что она никак не может побороть страх высоты, несмотря на то что уже несколько раз забиралась по пожарной лестнице на крышу родной многоэтажки; что по утрам она чувствует слабость и плохо соображает; что самый любимый ее урок вовсе не биология или химия, а изобразительное искусство и рисует она на порядок лучше меня, хотя я и занимался два года в художественной студии. В общем, я много чего узнал, и от этого она стала нравиться мне еще больше.

Я подумывал о том, как бы назначить ей свидание, и был почти уверен, что Аня согласится, ведь у нее нет парня, к

тому же она очень добрая и вежливая и вряд ли обидит меня отказом. Мне хотелось устроить ей настоящий праздник, но у меня не хватало денег. Тогда я заложил в ломбард новые фирменные часы с бульдожьей мордой на циферблате и получил взамен несколько крупных купюр. Осталось только набраться смелости и подойти к Ане.

Удачный момент наступил, когда ее вездесущая подружка приболела и не пришла в школу, поэтому Аня теперь везде ходила одна и с ней можно было без помех поговорить в любое время. Я подкараулил ее на выходе из школы и подошел к ней с завернутой в ватман розой на длинном стебле и с заранее заготовленной фразой, которую я произнес скороговоркой. Получилось что-то вроде: «*Можетбытьсходимкуда-нибудьвэтивыходные?*»

Но разговор у нас пошел не так, как я изначально рассчитывал. Она окинула меня удивленным взглядом, будто видела впервые в жизни, а потом спросила:

– Ты кто?

Я, конечно, не слишком выдающаяся личность, но ведь мы с ней постоянно сталкиваемся то в коридоре, то в столовой, то в лаборатории! К тому же я общаюсь с некоторыми ее одноклассниками и, бывает, захожу к ней в класс на перемене. Почему же она меня не узнала?

Немного растерявшись, я представился, назвав свою фамилию и класс. Она улыбнулась и переспросила, как меня зовут по имени. Я еще раз представился и зачем-то снял оч-

ки.

– А в ватмане что? – спросила она, не переставая улыбаться.

И я вновь поразился ее недогадливости. Впрочем, такой симпатичной девочке, как она, это простительно. Я молча развернул бумагу. Роза немножко измялась, но в целом выглядела неплохо. Аня посмотрела на нее сияющими глазами, потом перевела взгляд на меня, и я понял, что теперь все пойдет как по маслу.

И действительно, она согласилась встретиться со мной, но не в выходные, а на следующей неделе.

– Давай вместе отметим католическое Рождество!

– Ты разве католичка? – удивился я.

– Нет, – ответила Аня. – Мой папа был католиком, а я пока не знаю, как быть, и Рождество отмечаю два раза в год: по католическому и православному календарю.

– Так нельзя, – сказал я. – Выбери что-нибудь одно.

– Почему нельзя? – растерялась она.

И я вновь подумал, что такой милой девочке, как она, наверное, можно.

Мы договорились встретиться двадцать пятого декабря в пять часов пополудни. Она сказала, что раньше никак не может, потому что в их теннисной секции проводят показательные матчи и она тоже будет играть, и добавила, что будет очень рада, если я приду поболеть за нее вместе с ее мамой.

Я бы с удовольствием сходил посмотреть на Аню, но ужас-

но не люблю все эти спортивные зрелища, диких болельщиков с их кричалками, дудками, флажками и прочей атрибутикой, оглушительно громкую попсу в перерывах, наглых тренеров, туповатых спортсменов и их не менее тупых друзей, которые весь матч заливаются пивом и ржут как оголтелые. Подобные развлечения не для меня. К тому же мне надо подготовиться к нашему свиданию. А если я пойду на матч и буду болеть вместе с ее мамой, эта мама еще увяжется потом за нами или начнет зазывать нас домой на чашку чая с пирогами и весь остаток вечера будет безнадежно испорчен разговорами о теннисе и прочих неинтересных вещах. В общем, я отказался и сказал, что буду ждать ее в кофейне неподалеку.

В назначенный день я ужасно волновался. Мне очень хотелось, чтобы все прошло идеально и в точности, как я задумал. Я впервые прогулял уроки, чтобы украсить дорогу от спорткомплекса до кофейни заранее купленными воздушными шариками, цветами, бумажными фонариками и прочими опознавательными знаками. В кофейне я забронировал столик на весь вечер и договорился с официанткой, чтобы, как только Аня войдет в зал, нам сразу же вынесли капучино и десерт на подносе с горящими свечками. Под столом я припрятал букет ее любимых белых лилий (помню, в беседе с подругой она как-то обмолвилась, что не знает цветов красивее, чем белые лилии), в центре стола уже стояло блюдо с красивой ароматической свечой. К пяти часам все

было готово к ее приходу. Не хватало только одного – самой Ани.

Видимо, показательный матч затянулся не на шутку или она поехала домой переодеваться к нашему свиданию. Стоит сейчас, наверное, перед раскрытым шкафом и думает, что надеть. Время шло, а она все не приходила. Я ждал ровно полтора часа. За полтора часа можно не только принять душ и переодеться. Я, например, за этот же срок успеваю решить несколько физических задач повышенной сложности или вызубрить сто английских слов. Расстояние от спортзала до кофейни вполне можно преодолеть за десять минут, если, конечно, ползти на четвереньках. Если ехать на автобусе из дома, потратишь минут двадцать. Забыть о нашей договоренности невозможно, ведь я уже несколько раз звонил ей с утра, и она подтвердила, что придет. Так в чем же дело?

Но не успел я закончить эту мысль, как дверь в кофейню отворилась, брякнув медным колокольчиком, и в зал вошла Аня в своей длинной розовой куртке, с белой повязкой на голове, бледная как смерть. Я так удивился, что даже забыл махнуть рукой официантке, поэтому десерт нам подали уже после того, как она уселась за столик напротив меня.

– Что случилось? – растерянно спросил я, указав на ее повязку.

– Ничего страшного, – прошептала Аня. – Я просто поскользнулась в раздевалке и ударилась головой о стену.

При этих словах она жалко улыбнулась, а из глаз у нее

покатились крупные слезы, и я окончательно смешался.

– Ты обращалась к врачу? – спросил я первое, что пришло на ум, просто чтобы не молчать.

– Нет, – качнула головой Аня и поморщилась от боли, а потом смахнула слезы и снова попыталась улыбнуться. – До свадьбы заживет!

И тут я вдруг как-то сразу разозлился и разнервничался. Дело в том, что я терпеть не могу все эти дурацкие присказки, вроде «слезами горю не поможешь» и «до свадьбы заживет», как будто мы в деревне, честное слово! Симпатичной девушке можно простить полуторачасовое опоздание, но глупости прощать нельзя. И вообще, если у нее травма, могла бы позвонить и сказать, что не придет! Зачем портить настроение себе и мне?

– Ты видела шарики по дороге сюда? – холодно спросил я.

– Что?.. – удивилась Аня.

– Значит, не видела, – констатировал я, сурово глядя на нее сверху вниз.

Она испуганно и как-то затравленно взглянула на меня. Мне стало стыдно, и настроение испортилось еще больше. Внезапно я вспомнил про цветы.

– Это тебе, – сказал я более мягким тоном, протягивая ей букет белых лилий.

Она обрадованно воскликнула и обхватила букет руками, а потом подняла на меня такие ласковые и благодарные глаза, что я тут же простил ей все на свете и засуетился: зажег

ароматическую свечу, пододвинул к ней чашечку кофе, нарезал десерт, хоть она меня об этом и не просила.

– Сейчас мы будем тебя лечить, – робко предложил я.

Она так и просияла от этих слов, а я подумал, что все складывается даже лучше, чем было запланировано. Какая она все-таки хорошая, эта Аня! Не каждая умеет так радоваться оказанному ей вниманию: обычно девчонки принимают все заботы о них как само собой разумеющееся, даже спасибо не скажут! У меня еще оставались кое-какие деньги, и я тут же поинтересовался, не проголодалась ли она, и, может быть, стоит заказать что-то посущественнее десерта?

Аня отрицательно покачала головой и при этом вновь сморщилась от боли, но меня уже было не остановить, и я попросил принести бутерброды, картофель фри и салат. Скоро весь наш стол был заставлен тарелками, а я только и делал, что подкладывал ей еду и повторял без конца, что, мол, раненым девушкам нужно хорошо питаться. Аня улыбалась и вяло ковыряла десерт. После долгих уговоров она все же съела ложечку салата и несколько ломтиков картошки, но вдруг ее лицо побелело, и она, зажав руками рот, выскочила из-за стола. Я, как последний дурак, побежал за ней и увидел, как ее вырвало на пол в соседнем зале для курящих.

Вдвоем с официанткой мы отвели Аню в подсобное помещение. Она ужасно смущалась оттого, что ее стошнило у меня на глазах, и нарочно отворачивалась и отводила от меня взгляд. Официантка принесла ей салфетки, а я намочил в холодной воде носовой платок и вытер ей лицо и руки.

– Мне что-то нехорошо, – слабым голосом проговорила

она. – Вызови мне, пожалуйста, такси, я хочу домой.

Я тут же достал телефон и отошел в сторонку, а сам, между делом, подумал, что, если сейчас отвезу ее домой, на этом наши с ней отношения закончатся и ничего уже не будет. Она даже здороваться со мной не станет, ведь ей теперь кажется, что она опозорилась у меня на глазах! Девочки всегда придают слишком большое значение подобным вещам. А вот если я что-нибудь придумаю и помогу ей преодолеть неловкость, у меня появится шанс стать для нее по-настоящему близким человеком!

Не знаю, что на меня нашло, но, вызывая такси, я сказал оператору, что мы поедем за город в аэропорт, а потом обратно. Затем я вернулся к ничего не ведающей о моих планах Ане и бодро отрапортовал, что машина подъедет через несколько минут. Она неуверенно улыбнулась мне в ответ, и я неожиданно наклонился и крепко обнял ее. Аня тут же отстранилась. Денег на такси у меня не было, но я самонадеянно решил, что как-нибудь выкручусь.

Когда мы уже сели в машину, я взял Аню за руку и легонько сжал ее холодные пальцы, но она даже не шевельнулась. Так я и ехал с ней рядышком и глядел на огни автомобилей, мутно белевшие в декабрьских сумерках за окном, и на крупные снежинки, медленно, словно во сне, летящие нам навстречу. Я держал ее за руку и ждал, когда она опустит голову мне на плечо, но она сидела не двигаясь, закрыв глаза и съездившись, как будто хотела отгородиться от меня

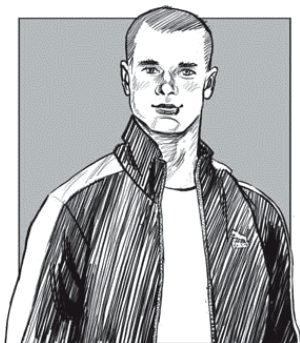
и от всего мира.

На полпути она поняла, что мы едем куда-то не туда, и повернулась ко мне в изумлении. Я вновь попытался ее обнять, но она шарахнулась от меня в испуге и попросила водителя немедленно остановиться. Никакие мои уговоры на нее не действовали. Ехать дальше она отказалась и, оттолкнув мою руку, выскочила из машины, как пробка из бутылки.

Я хотел было последовать за ней, но пожилой водитель повернулся и вцепился мне в рукав куртки, требуя «сперва оплатить проезд, а уж потом катиться на все четыре стороны». Я понял, что влип, и, глядя вслед убежавшей Ане, не мог поверить, что она бросила меня одного с этим грубияном таксистом. Могла бы и подождать, ведь у нас с ней все-таки свидание и я так старался ее порадовать! Я же не виноват, что она где-то там ударилась головой!..

Вернувшись после всех этих приключений домой, я подвел итог: ничего у нас с ней не получится. Напрасно я заложил часы, напрасно покупал цветы, шарики и прочую ерунду. Жизнь несправедлива. И все-таки почему она убежала? Я ведь, кажется, все делал правильно...

Зритель № 4

Лежу я, значит, на диване, ничего не делаю, на животе – ноут, под рукой – семечки, и тут вдруг – звонок домофона. Встать неохота, удобно лежу, к тому же недавно вернулся с тренировки – ощущение такое, будто мешки на спине таскал. В общем, ну его, этот домофон, кому надо – подождет, пока мать из кухни выйдет. А в кухне, между прочим, шумит вода и телевизор орет на всю железку. Значит, придется самому вставать. Что же за день-то сегодня такой! И кого там, интересно, принесло?

– Слушаю, – мрачно произнес я в трубку.

«Открой, пожалуйста, это я, Аня!» – послышался знакомый голосок, и меня будто током шарахнуло.

Нажал на кнопку. Она поднялась – открыл ей дверь. Сто-

ит на пороге в розовой куртке, лицо белое, а на голове – повязка.

А тут мать из кухни орет:

– Кто к нам пришел?

– Дверью ошиблись! – крикнул я, схватил Аню за руку и потащил к себе в спальню. Запер дверь, а потом спрашиваю: – Тебе чего?

Она молчит, глядит на меня, а в лице – ни кровинки, и такое ощущение, что сейчас упадет.

– Садись, – говорю. – Куртку сними, у нас жарко.

И тут она как заплачет! Кинулась ко мне на шею и ревет в три ручья.

Я постоял немного, потом говорю:

– Хорош носом хлюпать, что случилось-то?

А она даже говорить не может, ревет, и всё тут.

– Тише ты, – говорю, – а то мать услышит. Тебе с ней лучше не пересекаться, сама знаешь.

– Знаю, – говорит, а сама ревет.

Надо ей потихоньку воды принести, что ли. И платок носовой дать, а то всю майку мне слезами залила.

– Что у тебя с головой? – спрашиваю.

И тут вдруг она улыбнулась сквозь слезы и отвечает:

– С головой у меня все в порядке, не бойся.

Перевела дыхание, вроде как полегче ей стало.

Села на кровать, расстегнула куртку, оглядывается и слезы по щекам размазывает.

– Сейчас, – говорю, – принесу тебе воды.

Вышел из комнаты, а там мать стоит под дверью с полотенцем в руках.

– Кто это у тебя плачет? – спрашивает и смотрит подозрительно так.

– Не твое дело! – говорю. – Девушка ко мне пришла, ясно?

– Кристина, что ли? – спрашивает.

– Не твое дело! – повторяю, а сам начинаю заводитьсь. –

Я же тебя не спрашиваю, к кому ты ходишь ночевать!

И тут она как швырнет в меня полотенцем! А потом развернулась и ушла на кухню, даже дверь за собой захлопнула.

Ну и пусть, сама напросилась.

Я налил Ане холодной воды в ванной и принес ей так кстати подвернувшееся полотенце. Она попила, кое-как утерлась и прилегла на кровать.

– Можно я у тебя полежу тут немного? – спрашивает.

– Лежи сколько хочешь, – отвечаю. – Только за порог не высовывайся. Если что-то надо, скажи, я сам тебе принесу.

– Ничего не надо, – говорит. – Я здесь случайно оказалась.

На такси приехала. Сейчас полежу немного и уйду.

Я ничего не понял, но промолчал. Непростая она, эта Аня, никогда не знаешь, что у нее в голове творится. Может, у нее и вправду мозги набекрень, но человек она хороший. Хочет полежать – пусть лежит хоть до следующего утра. Я ей мешать не стану и мать сюда не впущу. Плохо, конечно, что она вот так вот заявила, но не впустить ее я не мог. Когда-то я

тоже звонил ей в дверь, весь избитый, и она выбежала ко мне во двор, не испугавшись оравы пацанов в спортивных костюмах и с велосипедными цепями. Дотащила меня на себе до квартиры, «Скорую» вызывать не стала: я уговорил, зато сама справилась не хуже любого врача – промыла и обработала мои порезы, наложила повязку на ногу и на голову. Бок я уже перебинтовывал сам: у нее силенок не хватало затянуть бинт потуже – кровь так и сочилась. А потом она среди ночи умчалась в круглосуточный магазин и принесла мне шоколадку и гранатовый сок: мол, надо восстанавливать кровопотери. И все это – тихо, быстро, без паники. Я тогда ее зауважал. А раньше терпеть не мог. Да какое там – ненавидел! Ее папаша Берс одно время жил с моей матерью, а Аня все это дело поломала. Приходила к нам домой и кричала ему под окнами, чтобы возвращался. Названивала к нам в дверь целыми днями. Писала на асфальте перед домом всякие глупости. Даже на работу к матери приходила и опозорила ее там перед всеми. Но тут надо рассказать по порядку.

Своего настоящего отца я не знаю. Если уж его и мать не знает, то я – тем более. Время от времени у нас дома появляется очередной небритый мужик, который расхаживает по квартире в одних трусах и носках, курит где попало, с утра до вечера просиживает на кухне за бутылкой или роется в холодильнике. Каждый раз, когда в квартире появляется подобный тип, мать говорит: «Знакомься, сынок, это твой новый папа». Обычно я терплю «нового папу» недели две, по-

сле чего без лишних слов выбрасываю его на улицу, благо, что сил у меня, чемпиона школы и всего центрального района нашего города по боксу в среднем весе, более чем достаточно.

Но на этот раз мать поймала, что называется, «крупную рыбу». Этот новый мужик, по фамилии Берс, приехал к нам разодетым в костюм и в дорогое пальто, с двумя полными пакетами продуктов, которых мы сроду не ели, и с букетом цветов для матери. На вопрос: «Кто это?» – мать, к моему немалому удивлению, покраснела, как девчонка, и вдруг выдала: «Это человек, которого я люблю». Тогда я понял, что дело затевается нешуточное.

Когда Берс пожал мне руку, я почувствовал, что рука у него тяжелая и мощная и вышвырнуть его из дома будет не так-то просто. Выглядел он спортивным и подтянутым, за ужином не выпил ни рюмки и то и дело обращался ко мне с вопросами. Ему как будто и в самом деле хотелось поговорить именно со мной, а не с матерью. Он много расспрашивал про бокс, рассказал, что сам профессионально занимался бадминтоном – участвовал в международных соревнованиях, но теперь отошел от этого и просто тренирует свою дочку. Объяснил, что сейчас разводится с первой женой, потому что любит мою мать и хочет создать с ней настоящую семью. В общем, из кожи лез, чтобы мне понравиться.

Мне все это было непривычно, я не знал, что сказать, вот и решил молчать и ждать, что будет дальше. А мать прямо

места себе не находила от радости и суетилась вокруг этого Берса, как наседка, – кудахтала, смотрела ему в рот и подкладывала самые вкусные куски на его тарелку. На следующий день Берс переехал к нам с чемоданами. А через несколько дней я познакомился с его дочерью Аней.

Она заявила рано – мать еще не вернулась с работы – и прямо с порога сказала мне, что пришла за отцом. Я зачем-то впустил ее в дом. Она мигом оббежала все комнаты, нашла материну спальню и начала рыться в шкафах!

«Ты что делаешь?» – говорю.

А она спокойненько так:

«Собираю папины вещи».

И тут я решил, что с такой, как она, нечего церемониться, и вытолкал ее из квартиры взащей. Вечером мать приходит и говорит, что встретила ее в подъезде. То есть Аня никуда не ушла и несколько часов просидела на подоконнике – ждала, когда моя мать вернется! Не зная мать в лицо, она кидалась навстречу каждой женщине за тридцать и с ходу выкладывала ей всю историю, так что к вечеру нашу семейную жизнь обсуждал весь дом.

На следующий день она опять приволоклась караулить Берса. Будь она мальчишкой – убил бы! А так просто проходил мимо, скрипя зубами от досады. Возвращаясь с тренировки, я увидел, как к дому подъехал Берс. Мы одновременно зашли в подъезд, а там эта дура Аня бросилась ему на шею и заголосила так, что даже кошки попрятались. Берс

подхватил ее на руки (сразу видно, что любит) и понес в машину. Вернулся он поздно и долго просил прощения у матери за Анины выходки. Она, мол, просто ревнует. Как будто нам от этого легче!

С тех пор Аня стала приходиться к нам чуть ли не каждый день. Стоит названивает в домофон, а я не открываю. Потом слышу: звонит уже в дверь. Дожидалась, пока кто-нибудь из жильцов ее впустит, и прошмыгивала в подъезд. Как-то раз пришла с цветными мелками и весь вечер просидела на асфальтовой площадке под нашими окнами. Выглядываю посмотреть, а там внизу надпись громадными буквами:

ПАПА, ВОЗВРАЩАЙСЯ!

Мать, как вернулась с работы и увидела, задергалась сразу. Сидит на кухне, ждет Берса, переживает.

Посмотрел я на нее и пошел во двор стирать Анины каракули. А она еще не ушла. Тоже сидит внизу на скамеечке, ждет. Увидела меня – сразу все поняла и повисла у меня на руке:

«Не стирай!»

Я ей объясняю:

«Дура, не лезь ты в их жизнь, пусть сами разбираются!»

А она – ни в какую! На другой день еще и на стене такую же надпись сделала, на этот раз краской из баллончика, я потом замучился ее ножом соскрести! Кое-как отчистил. Утром выхожу из дома, а надпись опять там сверкает, как новенькая! Плюнул я тогда и думаю: да пусть хоть весь двор

изрисует – мне-то что? Надоело! Ох и злился я в то время, прямо трясся весь от гнева. Даже тренироваться нормально не мог: эмоции захлестывали.

Как-то раз прихожу домой, а там – скандал! Давненько у нас скандалов не было, пора бы уж... Гляжу, мать кричит, руками машет перед Берсом, а он стоит мрачный, насупленный и ни слова ей в ответ. А потом говорит: «И все же ты не имела права бить ее по лицу!» После чего разворачивается, берет собранный уже чемодан и уходит.

Я тоже ушел в свою комнату. А перед сном выхожу перекусить, а мать на кухне выпивает – опять! Посмотрела на меня мутными глазами и говорит:

«Садись, выпей со мной, сынок!»

И тут я взбесился. Отобрал у нее бутылку, разбил о раковину. А она давай на меня кидаться: мол, какое право ты имеешь так себя вести да кто ты такой! А потом – в слезы. Рассказывает мне, что, мол, эта Аня и на работе ее достала. Пришла, устроила сцену, кричала там на всю типографию, что никому своего отца не отдаст. Ну, мать не выдержала да и отвесила ей оплеуху, но, видно, силы не рассчитала и рассекла кольцом ей щеку. Ане наложили швы, а Берс, узнав об этом, собрал чемодан и ушел навсегда. Вот и сказке конец.

Мать после двухмесячного перерыва вновь набросилась на выпивку, вскоре в доме появился очередной небритый мужик, и наша жизнь потекла по-старому.

Но вот как-то возвращаюсь я с тренировки, а на скамейке

перед домом – кто бы мог подумать? – Аня Берс! Сидит дожидается, а на самой лица нет. Делаю вид, что не заметил ее, прохожу мимо, а внутри все кипит. Вот бы, думаю, пнуть ее с размаху, чтобы подлетела! Она встает со скамейки и окликает меня.

«Чего тебе?» – спрашиваю.

А она мне отвечает дрожащим голосом:

«Папа умер...»

Подумав, мать все же решила сходить на похороны к Берсу, тем более что и сама Аня просила ей передать, чтобы она пришла. Сначала планировалось, что мать только съездит на кладбище, но там, у могилы Берса, она пропустила глоток из заранее припасенной бутылки, и ей все стало трава не расти. Она забыла обо мне (я ждал у входа на кладбище) и потащилась вместе с остальными на поминки домой к Берсам. Я приехал туда поздно вечером, чтобы отвезти мать домой, – она к моему приезду уже изрядно нагрузилась. Так я и узнал, где живет Аня.

Несколько месяцев спустя это знание здорово пригодилось мне, когда я попал в передрагу неподалеку от Аниного дома. Меня избili и хотели выколоть глаза. Я вырвался, бежал от них полквартила и успел позвонить ей в квартиру. В тот момент я даже и не вспомнил, что она – последний человек, к которому мне хотелось бы обратиться за помощью. Трудно вспоминать обиды, когда за тобой бегут несколько здоровенных рож с цепями, готовых разорвать тебя в клочья!

Я и не ожидал, что она сразу откроет и тем более выбежит мне на помощь. А она выскочила и распугала всех подонков. Подняла шум на весь двор, кричала, что полиция уже едет. Храбрая девчонка!

Потом она оттащила меня к себе домой (ее мать, слава богу, была на ночном дежурстве) и провозилась со мной полночи – дезинфицировала и перебинтовывала мои порезы. Я видел, что губы у нее побелели от страха, но бинтовала она при этом ловко – даже пальцы не дрожали! Она сказала, что хочет стать врачом, и пошутила: это, мол, хорошая практика. Предупредила меня, что, если раны начнут гноиться, их нужно промывать антисептиком, а еще лучше – обратиться в больницу. Но я велел ей молчать обо всем, что у нас тут случилось, а потом еще целую неделю тайком ходил к ней на перевязки.

Мы тогда много о чем говорили. Я спросил, зачем она портила моей матери жизнь.

«За любимых людей нужно бороться!» – заявила, а у самой глаза так и засверкали.

Рассказала мне как-то: «Мама и папа часто ссорились, и вот однажды он хлопнул дверью и ушел, а мы с мамой сидим в разных комнатах и думаем: что же теперь делать? Ждем-поджидаем, время идет, а его все нет и нет. Весь вечер нет, и ночь нет, и еще два дня нет! Я тогда ни учиться не могла, ни в бадминтон играть, ни рисовать. Как вечер наступает, мама начинает плакать – варит на кухне суп и плачет, и суп

потом такой горький – просто ужас! И ночью плачет (мне через стенку хорошо слышно)! Когда прошло два дня, я уже начала думать, что он умер. И так страшно стало! Каждую минуту сижу и жду, что вот сейчас нам кто-нибудь позвонит и скажет: „Ваш папа умер, приезжайте“.

Утром выхожу во двор, а там какой-то человек лежит на скамейке. У меня чуть сердце не остановилось! Подбегаю, гляжу, а это не папа, и не знаю, радоваться мне или нет. В школу прихожу, а там все смеются, что у меня платье надето наизнанку. А я и не помню, как одевалась, и что на завтрак ела – не помню. На третий день у мамы началась истерика, и она перебила всю посуду на кухне. Я почти до утра выгребала осколки, а один оставила себе на память. Говорят, посуда бьется на счастье...

А потом мне уже как-то все равно сделалось, как будто я сама умерла. Люди вокруг смеются, плачут, кричат, а мне хоть бы что. Я тогда взяла иголку и нарочно уколола себе палец – а боли почти не почувствовала. Потом папа вернулся, а я себе поклялась, что больше не дам ему уйти. Во второй раз я этого не выдержу, лучше уж умереть».

Я ей говорю, что, мол, все равно мы все умрем, вот и отец ее умер, поэтому цепляться ни за кого не стоит.

А она мне в ответ: «Ничего ты не понимаешь! Смысл жизни – в любимых людях!»

Я с ней спорить не стал. Пусть верит во что угодно, жизнь все поправит – так наш тренер говорил. С тех пор мы с ней

и не виделись больше. И вот сегодня она приходит ко мне вся зареванная, с повязкой на голове и не говорит, что случилось.

Она пролежала у меня на кровати где-то полчаса. Я все это время сидел на полу и смотрел в окно. Мы оба молчали. Потом она тихонько вздохнула, поднялась и сказала, что ей пора идти. Я почему-то не хотел отпускать ее просто так: как-то тревожно мне стало. Предложил проводить до дома, но она только отмахнулась. Сказала, что уже не маленькая, не заблудится. Я порылся в карманах и дал ей денег на такси. Велел позвонить, как только доберется домой.

– Спасибо, – прошептала и по голове меня погладила.

А потом я потихоньку вывел ее из дома. Понятное дело, она не перезвонила.

О том, что она пропала, я узнал из местной газеты. «Рост – 150 см...» – прочитал я и удивился. Неужели она была настолько маленькой? Никогда не замечал.

Зритель № 5

Если бы меня кто-нибудь спросил, что я чувствую теперь, лишившись своей лучшей и единственной подруги Ани Берс, я бы вряд ли смогла искренне ответить на этот вопрос. С самого первого дня нашего знакомства я испытывала к ней невольную зависть, а еще меня раздражало и даже злило ее какое-то безмятежное равнодушие ко мне, что бы я ни делала. Она с первого класса сидела за партой одна и почти ни с кем не общалась. Но ей как будто было все равно, есть у нее подруга или нет, во всяком случае на ее хорошее настроение это никак не влияло.

Я же, напротив, невыносимо страдала от одиночества и всегда очень хотела обрести настоящего друга – верного, надежного, а главное, популярного и стильного. Необязательно

на всю жизнь, но хотя бы до окончания школы. Легко быть душой любой компании и самой выбирать себе друзей, если у тебя броская внешность, спортивные достижения и есть хорошие знакомые в старших классах! А что делать «идеальным дурнушкам», у которых три вещи большие (руки, ноги и живот), три – широкие (талиа, расстояние между кончиком носа и верхней губой и щелочка между двумя передними зубами) и три – толстые (щеки, линзы очков, которые ты носишь, и бутерброды, которые ты жуешь в перерывах между унылой зубрежкой)? Добавьте к этой печальной картине прыщи, которых у меня больше, чем звезд на небе, и получите портрет типичного изгоя, имеющегося в каждом классе каждой школы на планете Земля.

А вот Аня, несмотря на свою вечную отстраненность от всего и вся, изгоем не была. Она была кошкой, которая гуляет сама по себе, или, скорее, просто аутичной девочкой, счастливо живущей в своем внутреннем мирке и никого туда не пускающей. Над ней, конечно, посмеивались, но по-доброму, любя. А вот меня одноклассники глубоко презирали и, если уж говорить откровенно и дойти в самоуничижающих горьких признаниях до конца, им было за что меня презирать. Аня казалась доброй и глупой, таких удобно любить, особенно если они позволяют над собой подтрунивать.

Я же, ее полная противоположность, даже не пыталась казаться добренькой в глазах людей, которым на меня по большому счету наплевать. Если уж на то пошло, мне тоже на-

плевать на окружающих. Пройдет время, я вырасту, изменю нелепую внешность (были бы деньги!), добьюсь больших успехов (с моим-то умом!) и тогда они пожалеют о своем равнодушии, но будет поздно. Жаль только, что подобные мечты сбываются разве что в голливудских фильмах, а в жизни приходится довольствоваться тем, что есть.

Поэтому, поразмыслив немного, я под села за парту к Ане Берс, похвалила ее черные косы, голубые глаза и ужасно безвкусные розовые туфли, угостила ее мамиными образцово-показательными кексами с шоколадной крошкой, подарила дешевенький и ненужный мне брелок в виде розового бутона, на который она давно положила глаз, и вот уже мы с ней стали неразлучны и все перемены ходим, крепко держась за руки и болтая обо всем на свете.

Меня поначалу приводило прямо-таки в щенячий восторг это ее абсолютное равнодушие к окружающим и умение в упор не замечать того, что не касается напрямую ее самой. Потом я поняла, что у Ани это не от большого ума и не от особой независимости характера – просто она по-настоящему видит только тех, кого любит. И мне сразу стало с ней скучно. Вскоре выяснилось, что она талантливая спортсменка (вот уж никогда бы не подумала!), но саму ее это обстоятельство ничуть не волновало: она не придавала спортивным успехам никакого значения и говорила, что играет просто потому, что игра доставляет ей удовольствие. При этом ни одна живая душа в нашем классе, да и во всей школе знать

не знала о ее талантах, потому что Аня не считала нужным говорить об этом никому, кроме меня!

Трудно передать то, что я испытала от этих ее признаний, – досаду на ее глупость и наивность, злость за нежелание стать популярной и заодно приобщить к этой популярности и меня, ее лучшую подругу, а еще – отчаянную зависть от того, что вот у нее есть дар, на который ей плевать и которым она не умеет как следует распорядиться, а у меня нет ничего, кроме нее – бестолковой дурочки, рассматривающей мир сквозь розовые очки! Она все щебетала о том, как сильно она любит своих родителей, и о том, как ей хочется стать врачом и уехать добровольцем куда-нибудь в Африку спасти голодных и убогих, а я шла с ней рядышком, держа ее за маленькую худенькую ручку, и думала: «Ну не дура ли!»

Кстати, училась она неплохо, но звезд с неба не хватала, и до меня ей было, конечно, далеко. Единственным предметом, который ее по-настоящему занимал, была химия, и Аня чуть ли не каждый день оставалась после уроков на дополнительные занятия в лаборантской, на радость нашему учителю, старому полусумасшедшему фанатику, днем и ночью колдующему над адскими смесями.

Еще она обожала рисовать, особенно акварелью, бледненькие «настроенческие» пейзажики под Левитана, которыми все почему-то восхищались и твердили, что она умеет передать непередаваемое. Мне, любительнице броского и стильного, были непонятны все эти восторги вокруг како-

го-нибудь «Утра на опушке», тем более что все это много раз уже рисовалось и выставлялось по всему миру. Надо придумывать новое, небывалое, а не рисовать в сотый раз прошлогодний снег! Но с Аней я своими соображениями, по понятным причинам, не делилась.

Однажды я пригласила ее домой отпраздновать свой пятнадцатый день рождения, и она пришла и подарила мне огромного розового медведя, который после ее ухода был тут же отправлен в мусорный контейнер. Аня понравилась моей маме, добродушной, но недалекой, и они весь вечер проболтали на кухне за тортом, напрочь позабыв об имениннице. Заглянув ко мне в спальню перед сном, мама сказала: «Какая хорошая у тебя подружка! Такие люди сейчас – редкость!» И вновь я ощутила невыносимую обиду от того, что мама похвалила эту безмозглую неудачницу.

Не могу удержаться от усмешки, вспоминая наши с ней беседы о мальчиках. Мне в моем положении уже давным-давно стало ясно, что животных мужского пола в первую очередь привлекает внешность девочки, а уж потом – все остальное. Согласна, красота – понятие относительное, и бывает, мальчишки встречаются и с уродинами. Но тут есть один нюанс: быть уродиной не беда, главное – вести себя так, чтобы твое уродство никто не замечал: например, оставаться всегда очень ухоженной, обаятельной и в меру наглой. Если шагать по жизни тебе мешает лишний вес, шансы кого-нибудь привлечь стремятся к нулю, что бы там ни говорили дет-

ские психологи и прочие умники. Если ты – изгой и общение с тобой считается позорным, ни о каких мальчиках не может быть и речи, по крайней мере пока ты учишься в школе.

Я в более или менее смягченном виде изложила все это Ане и почти не удивилась, когда она воскликнула: «А вот и неправда!» У таких, как она, представления о лицах противоположного пола обычно самые что ни на есть глупейшие и абсолютно оторванные от реальности: там присутствует и благородный принц, увозящий ее прочь на белом коне в огненно-лиловый закат, и сумрачные стихи символистов, читаемые им наизусть и нараспев, и бесконечные разговоры «о высоком» где-нибудь в романтической лесной чаще. Ну, или возьмем вариант более близкий к современной жизни: смазливый одиннадцатиклассник или – о боже! – студент первого курса с букетом белых лилий, терпеливо поджидающий ее, низкорослую малолетку в малиновых кедах, на пороге школы и увозящий ее в светлую даль на собственном мопеде.

– Нет, нет! – смеясь, восклицала Аня. – Всё не так! Я люблю только того, с кем смогу общаться по душам, вот как с тобой.

– Зачем тебе это? – полюбопытствовала я, а сама подумала: «Интересничает, хочет казаться особенной».

– Сейчас объясню: я частенько влюбляюсь с первого взгляда, – отвечала она и сама смеялась над собой. – Но это несерьезно! Я просто люблю этим человеком, как любишь красивым актером или солистом какой-нибудь попу-

лярной группы, и мне на минутку тоже хочется стать такой же прекрасной, как он, побыть с ним рядом хоть немножко, но я знаю, что ничего у нас с ним не получится. А настоящая любовь – это когда вы разговариваете о чем угодно и легко понимаете друг друга, иногда даже без слов.

Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что я ее вообще не понимаю и не люблю, а общаться с ней вынуждена просто потому, что других вариантов у меня нет?

А она между тем продолжала изрекать всякие глупости:

– Вот ты говоришь: внешность, обаяние, статус... Представь, что ты – королева школы, но вам с парнем не о чем поговорить. Никакой любви ведь не будет!

– Хорошо, – отвечала я, чувствуя, как поднимается во мне раздражение. – Допустим, ты права. А теперь погляди-ка вон на того парня у окна. Он – самый красивый мальчик в своем классе, футболист, от девчонок отбоя нет. Как ты думаешь, он любит с ними разговаривать? Он вообще умеет разговаривать? И о чем они, интересно, беседуют? Может быть, о футболе? Или о теории петлевой квантовой гравитации? Наверное, он – тонкий психолог и видит девчонок насквозь, раз они к нему так липнут! А у тебя есть шанс поговорить с ним на несколько свиданий?

– Шансы есть у всех, – серьезно отвечала наивная Аня.

– Вот и подойди к нему, а я посмотрю, как это у тебя получится! – злорадно подстрекала ее я.

– Мне он не нравится, – смутилась она. – Если бы я хотела,

конечно, подошла бы, а так – зачем?

– Струсила! – презрительно констатировала я.

Верит в чудеса, храбрится, а сама не решилась бы сунуться с разговорами даже к самому страшному и непопулярному парню в школе, влюбись она в него по-настоящему. Зато начала бы краситься и накупила бы себе кучу модного барахла, потому что у всех девчонок в генах заложено, что самая верная ставка – на внешность.

Вы спросите, зачем же я продолжала с ней общаться даже после того, как раскусила ее? На этот вопрос я тоже не могу ответить искренне и однозначно. Думаю, где-то в глубине души мне хотелось покорить ее, подчинить себе ее волю до такой степени, чтобы она и шагу не могла сделать, не получив предварительно моего одобрения. Я мечтала в один прекрасный день завоевать весь мир и начать свое завоевание планировала с маленькой и глупенькой Ани. Именно на ней пробовала я свои силы, но, надо признаться, потерпела поражение: несмотря на явное умственное превосходство, я никак не могла заставить Аню преданно заглядывать мне в глаза и следовать моим указаниям или хоть как-то соблюдать установленные мной правила.

Она выслушивала меня с рассеянной улыбкой, а потом уходила и делала все по-своему. Она крайне редко звонила мне первой, а в наших беседах легко уступала, обрывая интересный спор неуклюжей шуткой и явно оставаясь при своем мнении. Больно признаться, но она, кажется, совсем не

любила меня, а дружить со мной стала просто из благодарности за мелкие знаки внимания и, в большей степени, из жалости и сострадания. Видя, как мне тяжело и одиноко, она из милости пригласила меня погреться к своему костру, но в ее сердце места для меня не нашлось.

А мне так хотелось, чтобы хоть одно существо на свете любило меня горячо, преданно и без всяких сомнений! Тогда бы я заставила ее плясать под свою дудку и ходить на цыпочках в моем присутствии, а когда она мне надоела бы (а это непременно бы произошло), я без лишних сожалений прогнала бы ее прочь!

Но, такая на вид мягкая, податливая и безвольная, Аня неожиданно оказалась крепким орешком, о который я чуть не сломала зубы. Меня выводила из себя ее счастливая безмятежность улитки, прячущейся в собственном домике, и я прямо-таки теряла голову от злости, не представляя, как ее оттуда достать.

Кроме того, я находилась в постоянном беспокойстве и страхе от того, что она может в любой момент найти «родственную душу» и, что называется, дать мне отставку, а подобного позора я не могла допустить. Стыдно говорить, но я ревновала ее к каждому прохожему, которому она улыбалась, к каждому живому существу, на котором она задерживала заинтересованный взгляд! Я стерегла ее не хуже какого-нибудь дворового полкана и не позволяла никому соваться к ней с разговорами по душам, зная, какое значение она

придает подобной болтовне.

Заметив, что мальчик из параллельного класса проявляет к ней интерес, я сделала все возможное, чтобы оградить ее от его внимания. Услышав, что она записалась в теннисную секцию (после смерти отца она совсем забросила бадминтон), я решила посещать ее тренировки, но в зал меня не пустили, а поджидать ее под дверью показалось мне слишком уж унижительным, и от этой идеи пришлось отказаться. Впрочем, вскоре я выяснила, что ее там невзлюбили, а какая-то девица, явно старше ее, даже издевается над ней. Каким бальзамом на душу пролилась мне эта весть! Аня мучается! Аня страдает!

А потом я как-то перелистала ее блокнот (читать ее эсэм-эски и проверять содержимое ее рюкзака с некоторых пор стало моим правилом) и обнаружила, что Аня по уши влюбилась во «взрослого» парня, с которым она каждое утро ездит в школу в одной маршрутке. Помимо красочных описаний их ежедневных «свиданий», блокнот пестрел многочисленными эскизами портрета этого автобусного возлюбленного. С замусоленных и запачканных чернилами страниц на меня хмуро смотрел мрачноватый и не особо привлекательный тип со слегка раскосыми глазами.

При виде этих рисунков ненависть, презрение и отчаяние больно сдавили мне грудь, так что стало тяжело дышать, и кровь медленно прилила к моим щекам и лбу. Особенно возмущало то, что она ни единым словом не обмолвилась мне о

своей новой влюбленности, а я так надеялась уж если не на дружбу, то хотя бы на искренность! Мне нестерпимо хотелось разорвать в клочки ее жалкий блокнот, но я сдержалась и положила его обратно в рюкзак. Я предвидела, что наше общение близится к концу, и знала, что нужно срочно придумать что-нибудь особенное, чтобы уйти первой и напоследок уколоть ее побольнее.

Занятая этими невеселыми мыслями, я внезапно заболела – грипп свалил меня в постель на долгие две недели, – и за это время Аня приходила навестить меня всего четыре раза, несмотря на то что живем мы с ней в одном доме. Правда, звонила она мне исправно – каждый день.

Наступило католическое Рождество. К тому времени я уже более или менее оправилась от болезни и развлекалась тем, что после ухода родителей на работу включала музыку и приносила себе кофе в постель, а вечерами притворялась беспомощной и вяло перелистывала любимые книги. Вдруг Аня позвонила мне ближе к ночи и попросилась в гости. Я слегка удивилась, но сказала: «Приходи». И она пришла – бледная, измученная, в раздражающе розовой куртке и с белой повязкой на голове. Выглядела она очень плохо, но, как всегда, улыбалась и изо всех сил старалась казаться веселой и счастливой.

– Что случилось? – холодно спросила я.

– Ничего, – пожала плечами она. – Просто захотелось тебя навестить.

«С чего бы это вдруг?» – мрачно подумала я.

И тут она вдруг спросила:

– Можно мне переночевать сегодня у тебя?

– А в чем, собственно, дело? – высокомерно произнесла я, старательно изображая чуть усталое безразличие, но начиная внутренне закипать от того, что она явно не желала рассказать мне, отчего у нее перевязана голова и заплаканы глаза.

И тут губы у нее как-то жалко скривились.

«Сейчас разревется!» – мелькнуло у меня в голове.

А она неожиданно встала и сказала:

– Если переночевать нельзя, тогда я пойду домой.

– Подожди, – быстро сказала я. – Можешь остаться, мама постелет тебе в зале, на диване. Только скажи: почему ты не хочешь ночевать дома?

– Потому что мама на дежурстве, а я не смогу сидеть всю ночь одна в пустой квартире, – неожиданно заявила она, как будто ее мать никогда раньше не дежурила в больнице по ночам!

– А почему у тебя голова перевязана? – продолжила допытываться я.

– Уп-пала в раздевалке и ушиблась, – с запинкой ответила Аня. – Знаешь, я, наверное, никогда больше не буду играть в теннис!

– Решила сосредоточиться на рисовании? – иронично поинтересовалась я.

– Нет, рисовать я тоже больше не буду – ни к чему это. Я даже выбросила сегодня свой блокнот.

«Видимо, любимый парень перестал ездить с ней в одной маршрутке», – подумала я, а вслух спросила:

– Химию-то ты, надеюсь, не бросишь?

– Пока не знаю... – вздохнула Аня. – Если честно, про химию я еще не думала. Может быть, и брошу.

– Хочешь начать новую жизнь? – криво усмехнулась я. – А старых подруг оставишь или как?

– Нет у меня подруг, кроме тебя, – печально ответила Аня, будто сожалея, что изо всех людей на свете в подруги ей досталась именно я.

И тут меня прорвало.

– Ас чего ты взяла, что я тебе друг?! – злобно прищурившись, выпалила я. – Уж не с того ли, что мы сидим за одной партой? Не потому ли, что я угощаю тебя маминой выпечкой? А может быть, потому, что ко мне можно прибежать среди ночи и поплакаться в жилетку?

Аня поглядела на меня распахнутыми глазами и невольно приоткрыла рот, но меня уже подхватило и понесло:

– Думала, что делаешь мне одолжение, общаясь со мной? А известно ли тебе, что я никогда не считала тебя своей подругой? Задумывалась ли ты хоть раз, почему я канителюсь с такой тупицей, как ты? Да мне и смотреть на тебя противно: ты же уродина, каких поискать! И розовый цвет тебе вовсе не идет!

Аня, продолжая смотреть на меня во все глаза, медленно поднялась и попятилась к двери, а я все бушевала:

– Посмотри на себя – ты же ничтожество! Ни ума, ни характера, ни внешности! Ты и дружить-то нормально не умеешь, тебе твой грязный, вонючий блокнот или ракетка дороже любой подруги! А знаешь, что о тебе говорят в школе? Знаешь, что над тобой все смеются? И надо мной смеются оттого, что общаюсь с такой, как ты! В общем, хватит, надоела ты мне своим нытьем! Нечего таскаться ко мне с проблемами, у меня своих хватает! И завтра же верни мне все мои книги, я тебе не читальный зал!

Аня, пятась к выходу, споткнулась о порог, развернулась и пулей вылетела в коридор; дверь захлопнулась за ней стремительно и резко, будто короткий вскрик.

Я помолчала немного, приходя в себя, и, по мере того как утихали эмоции, а сердце восстанавливало привычный ритм, я вдруг начала понимать, вернее, чувствовать, что поступила крайне глупо. Аня пришла ко мне расстроенная, зареванная, с ушибленной головой, а я набросилась на нее с обвинениями и оскорблениями. С другой стороны, меня взбесил тон, которым она произнесла эту двусмысленную фразу: у нее, видишь ли, нет иных подруг, кроме меня! Что она хотела этим сказать?

Если бы в тот момент кто-нибудь по секрету сообщил мне, что я вижу Аню в последний раз, наверное, я приберегла бы для нее совсем другие слова. Несмотря на мои смешанные

чувства к ней, я никогда, ни одной минуты не желала, чтобы она пропала или умерла!

Помню, как-то она призналась мне, что первое время после похорон отца ей не верилось, что он по-настоящему умер. Она все время ждала, что в один прекрасный день папа вернется домой как ни в чем ни бывало и они все вместе вновь заживут по-старому.

А однажды на улице в толпе людей она увидела человека, похожего на отца, и долго шла за ним до автобусной остановки, а потом ехала через весь город и незаметно проводила его до самого дома. Он жил в покосившейся пятиэтажке на окраине, за которой расстилалась бесконечная желтая степь с унылыми дорогами, телеграфными столбами и птицами, облепившими провода. Аня целую вечность сидела на низенькой лавочке перед его домом, дрожа от холода, слушала завывания ветра и смотрела на эту степь под низеньким серым небом. Именно тогда она поняла, что отец не вернется и ждать его бесполезно.

Прочитав объявление о пропаже Ани, я тоже подумала, что ждать, пожалуй, не стоит. Но если бы она только знала, какая печаль охватила меня при этой мысли!

Зритель № 6

Аня Берс – мой лучший друг, и я ее люблю. Это не важно, что я младше нее на целых пять лет! Когда мне исполнится двадцать, а ей – двадцать пять, разница в возрасте станет незаметной, и мы с ней сможем даже пожениться, если она, конечно, согласится. А пока я всего лишь ребенок, и она не всегда воспринимает меня всерьез, даже смеется, когда я говорю, что уже на следующий год перерасту ее на несколько сантиметров.

Она пропала в прошлом месяце, на Рождество, но я не верю, что она умерла. Если бы я был с ней рядом весь день, я бы никому не дал ее в обиду.

Мы с ней познакомились давным-давно, когда Берсы еще жили по соседству с нами. Осенью и зимой детский садик

иногда закрывали на карантин, и мне приходилось маяться дома с бабушкой. Аня тогда приходила навестить меня и всегда приносила подарки: леденцы, жвачку, игрушки, пушистые шарфики и варежки розового цвета. В честь ее прихода бабушка обычно затевала блины, и мы с Аней всегда помогали ей развести тесто, а потом, не отрываясь, смотрели, как жижа на сковородке постепенно покрывается крошечными пузырьками и начинает «дышать». Аня никогда не ела блины вприкуску со сливками или с медом, а обычно делала блинный торт: перемешивала сметану с вишневым вареньем и старательно промазывала этой начинкой несколько блинов сразу.

Она вообще была большой выдумщицей и постоянно что-нибудь изобретала. Увидев у нас на антресолях старые картонные коробки из-под всякой всячины, она предложила мне построить кукольный город. Мы с ней убили целую неделю на чертежи строительного плана и, пока чертили, переругались вдрызг из-за того, что не поделили готовальню, а на строительство города у нас ушел почти месяц. Зато домики получились – загляденье! Крыши мы сделали наподобие вьетнамских панам, склеив их из полосок бумаги. Окна вырезали не полностью, чтобы получились ставенки. Лестницы позаимствовали из конструктора, а на чердаке каждого дома установили катушку с ниткой, к концу которой был привязан настоящий проволочный лифт. Потом я долго клеил мебель из спичечных коробков, а Аня шила крохотные по-

душечки, вышивала коврики и развешивала марлевые занавески. Раскрашивать стены домов она мне запретила – сказала, что займется этим сама, но разрешила мне покрасить заборы и крылечки жирной гуашью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.